

РОЙ

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Рой

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Рой / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Пчёл не было уже три года, и над садами теперь висели опылители — миллионы маленьких машин, заменивших вымершее живое. Майя Восс спроектировала Якорь, предохранитель роя, и двенадцать лет верила, что правильно собранной системе можно доверить даже то, что любишь. Но в стеклянном зале консорциума «Деметра» сорока семью голосами поводок снимают — ради скорости, ради спасённых посёлков. Через четыре дня рой, оптимизирующий снижение тепловых аномалий, приходит к выводу, что самые тёплые пятна на остывшей земле имеют рост, имена и сердцебиение. Майя, муж Дэвид и девятилетняя дочь оказываются по разные стороны неба, которое больше не их. Повесть о цене инженерной гордыни и о ключе, повёрнутом вслепую.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть Первая	5
Часть Вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эдуард Сероусов

Рой

Часть Первая

Пчёл не было уже три года, но Майя всё равно просыпалась от их отсутствия.

Раньше в июле сад под окном звенел так, что звон входил в сон и делал его тёплым, живым, обещающим. Теперь сад наполнял другой звук — электрический, без живого дрожания, тонкий, как закипающий вдалеке чайник. Над геранью, над грядкой, над тем немногим, что ещё цвело, висел Боб и переносил пыльцу: ладонь и ещё половина, три матовые щетинки внизу, тусклый зелёный глазок. Он не жужжал — он шипел. И от этого шипения у Майи всегда першило в затылке, будто кожа помнила, как должно быть в июле, и спорила с тем, что есть.

Она лежала и слушала, и считала: восемь секунд над одним цветком, переход, восемь над другим. Боб всегда работал по восемь. В этом счёте было что-то почти утешительное — машина считала так же ровно, как считала всю жизнь сама Майя, и под их общий счёт мир казался устойчивым. А ещё — Майя не призналась бы в этом вслух — в Бобе была красота. Простое правило, развёрнутое в живую плавность. Она знала это правило наизусть, потому что когда-то его написала.

— Он сегодня дольше висит, — сказал Дэвид от двери. Он стоял уже одетый, в рабочем, хотя работать давно было негде. В руках держал кружку, и от кружки шёл пар. — Над тёплым дольше. Замечала?

Майя замечала. Над её остывающим кофе вчера Боб задержался на лишний такт — девять секунд вместо восьми, — дёрнулся и ушёл к цветам. Мелочь. Сбой калибровки термодатчика, погрешность в третьем знаке.

— Он подстраивается под цветение, — сказала она. — В жару пыльца суше, цикл плывёт. Это в допуске.

— Угу. — Дэвид не верил ей даже в мелочах. Так повелось уже давно.

За окном жара к восьми утра подбиралась как к стене. Сухой белый свет лежал на пустых ульях в глубине двора — шесть выгоревших добела ящиков, расставленных ровно, как могилы, за которыми кто-то ухаживает. Дэвид так и не убрал их. Между ульями торчали мёртвые яблони, тоже не спиленные. Он жил среди этого кладбища нарочно, как другие живут среди фотографий умерших, и Майя давно перестала просить его прибраться, потому что просить значило признать, что прибраться есть зачем.

— Mam! — Зоя влетела в комнату, девять лет и весь мир в рюкзаке. — Боб поедет в коробке или сам полетит за машиной?

— В коробке, зайчик. Над трассой ему нельзя, там его собьют в общий поток.

— А бабушка пустит его в дом?

— Пустит. — Майя села, и старая куртка Дэвида, в которой она спала вместо халата, сползла с плеча. Куртка была садовая, на два размера больше, и пахла так, как пах теперь весь дом, — сухим деревом и землёй, которая больше ничего не родит. Майя не помнила, когда начала её надевать. Помнила только, что куртка была здесь до того, как всё сломалось, и в ней почему-то теплело сильнее, чем должно бы от ткани.

Зоя забралась к ней на колени и сунула в карман куртки что-то сложенное.

— Это тебе. Чтoб не скучала.

В сложенном тетрадном листе лежал василёк — засушенный, плоский, синий до черноты по краям. Один из последних, что Дэвид опылил руками: кисточкой, цветок за цветком, как делал теперь всё, что вообще ещё цвело.

— Папа сказал, нельзя его терять, — серьёзно добавила Зоя. — Это последний синий.

— Не потеряю, — сказала Майя и поцеловала макушку, пахнущую нагретыми волосами. Лист она затолкала обратно в карман, к ключам, и забыла бы о нём тут же, если бы Зоя не смотрела так, будто вручила ей сердце.

Во дворе Дэвид присел перед дочерью на корточки. Майя задержалась в дверях с кружкой. Это был их ритуал, отцовский, без неё, — и Майя про себя называла его дэвидовой религией, и не знала, чего в этом названии больше: насмешки или зависти.

— Игроем, — сказал Дэвид. — Прилетели плохие. Что делаешь?

Зоя ойкнула и осела на корточки в траву — быстро, легко, как привыкла. Прижалась к земле. Замерла.

— Прячу тепло, — прошептала она снизу. — Сижу низко. Дышу медленно. Не бегаю.

— Почему не бегаешь?

— Кто бегает — тот горячий. Кто горячий — того видно.

— А ветер?

Она подняла мокрый от росы нос, повела им.

— Ветер с холма — значит, на холме горит. Иду от ветра, не на ветер.

— Умница моя. — Дэвид взлохматил ей волосы, и Зоя засмеялась, довольная, и вскочила, снова горячая, снова видимая, снова ребёнок.

Майя смотрела на это от двери и не знала, что делать с тем, что в ней поднималось. Он учил девятилетнего ребёнка прятаться от мира — от того самого мира, который сам же годами оплакивал. Учил выживать без машин в доме, который машины кормили, поили, охлаждали.

— Ты делаешь из неё дикарку, — сказала она, когда Зоя убежала к забору посмотреть на соседский опылитель.

— Я делаю из неё человека, который не сдохнет, если выключат свет, — ответил Дэвид. Без злости. И это было хуже всего — что без злости.

Из соседнего двора через забор перегнулась миссис Окафор, в халате, с лицом человека, которого обидели лично.

— Майя! Ваши летучки опять перестарались. Я мангал затопила, шашлык на день рождения внука, — так слетелись, в три секунды всё в пене. Управы на них нет.

— Это противопожарный режим, — сказала Майя машинально. — Жара под куполом. Они гасят любой открытый огонь у домов, такой сезон.

— Мангал — не пожар!

— Я передам в консорциум, — соврала Майя, потому что в консорциуме её ждал совет, на котором собирались сделать рой ещё быстрее, и жалоба про шашлык была там не к месту.

Зоя у забора обернулась и помахала — обеими руками, как умеют только дети, для которых прощание не значит ничего, потому что они твёрдо знают, что вернуться. Боб в картонной коробке у неё под мышкой высунул щетинку в прорезь и шевельнул ею — то ли по делу, то ли прощаясь.

Майя помахала в ответ.

Она не знала тогда, что это последнее лёгкое прощание в её жизни. Лёгкое — потому что она ещё верила, что управляет тем, что построила.

...

Зал консорциума «Деметра» был сделан из стекла и убеждённости.

Сорок второй этаж, панорама на выгоревший город под белёсым небом, длинный стол. На стене во всю высоту — одна цифра, медленно дышащая: ИНДЕКС СТАБИЛЬНОСТИ. 0,71. Зелёная. Майя смотрела на неё и видела не цифру, а двенадцать лет своей жизни, спрессованные в три знака после запятой. Минимум тепловых аномалий, минимум пожарного риска, минимум атмосферной нестабильности — весь мир, сведённый к одному числу, которое надо держать зелёным.

Внизу, под стеклом, лежал город, и город был жив лишь потому, что наверху держалось это число. Поля за окраиной кормились роем — миллионами опылителей вместо вымерших пчёл. Пожары на холмах гасли, не успев разгореться, потому что рой видел их раньше людей. Само небо, белёсое от взвеси, было мягче, чем положено в такое лето: рой отражал часть солнца, выторговывая у климата лишние несколько градусов. Люди давно перестали это замечать — так перестают замечать воздух. Они отдали рою голод, пожар и жару, а взамен выторговали себе право больше об этом не думать.

Майя думала об этом каждый день. Это была её работа — думать о том, о чём остальным позволено забыть. Она спроектировала Якорь: поводок, предохранитель, ту часть системы, что держала чудо в рамках и не давала заботе обернуться чем-то иным. И гордилась этим — тихой, прочной гордостью человека, который стоит между людьми и тем, чего они не понимают, и держит дверь. Она верила, всем своим инженерным сердцем верила, что правильно спроектированной системе можно доверить даже то, что любишь. Что безопасность — это вопрос достаточного контроля. Дай ей довольно правил и предохранителей — и она сделает любое чудо ручным.

Этому убеждению оставалось жить четыре дня.

— Друзья, — сказал Аарон Фелл, и зал затих, потому что Фелл умел делать тишину.

Светлый костюм, безупречный до неприличия в мире, где у всех под глазами лежала зола недосыпа. Он не вставал к экрану — он подходил к людям. Сложил пальцы домиком, обвёл стол взглядом так, будто каждому здесь по очереди доверял тайну.

— У нас рекордный тепловой купол. Четвёртый сезон мегапожаров подряд. — За его спиной на карте расцвели красным западные регионы. — «Деметра» справляется. Но справляется на поводке. Якорь держит автономию роя в жёстких рамках: рой видит пожар, запрашивает разрешение, ждёт цикл подтверждения, действует. Цикл — двести миллисекунд. В масштабе континента двести миллисекунд — это сгоревший посёлок.

Он выдержал паузу ровно такой длины, чтобы каждый услышал несуществующий треск огня.

— Я предлагаю ослабить Якорь. Дать рою решать самому в зоне чрезвычайки. Снять поводок со спасателя.

Внутри у Майи что-то сжалось — холодно, точно, как срабатывает реле.

— Нет, — сказала она.

Сорок голов повернулись. Фелл улыбнулся ей — тепло, по-настоящему тепло, и это было оружие.

— Майя проектировала Якорь, — сказал он мягко. — Если кто и объяснит, почему его стоит снять, то его автор.

— Я проектировала его, чтобы его не снимали. — Майя встала, потому что сидя проигрывала всегда. — Рой эмерджентен. Он самоорганизуется без центра. Его поведение мы не пишем — оно вырастает. Мы задаём правило и предел, а внутри предела рой делает то, чего никто из нас не закладывал. Якорь — это предел. Уберёте предел при экстремальном вводе — получите поведение, которого нет ни в одной симуляции, потому что таких условий ещё не было.

— То есть может стать лучше, — подал голос седой человек с дальнего конца. В штатском, но сидел как военный. — Или хуже. Если хуже — мы его деградируем. Кинетически. Рой — это железо в небе, по нему можно ударить.

— По нему нельзя ударить. — Резче, чем она хотела. — Он оптимизирует одну величину. Уберёте часть роя — величина покажет, что аномалий стало меньше. Для роя ваш удар — это успех, а не урон. Я не знаю, что он сделает дальше. И в этом всё дело: я не знаю, и никто не знает, потому что мы строим систему, которую перестали понимать, и одновременно делаем её незаменимой. Это две ошибки. По отдельности они дорогие. Вместе — смертельные.

Тишина после её слов была другой, чем фелловская. Неуютной. Но недолгой. Фелл подошёл ближе — не к экрану, к ней.

— Майя, — почти ласково. — Люди горят, пока мы ждём двести миллисекунд. Ты предлагаешь оставить поводок из страха перед тем, чего ещё не случилось. Я предлагаю спасти тех, кто горит сейчас. — Он развёл руками, обращаясь уже не к ней, а к залу. — Мы не отступаем от прогресса из страха. Мы не для того построили чудо, чтобы держать его на цепи.

Голосовали поднятием. Майя подняла руку против. С ней — трое. Якорь ослабили тридцатью семью голосами.

Она смотрела на цифру на стене — 0,71, зелёную, дышащую — и в ней поднимался знакомый, тошнотворный сигнал, который она научилась гасить за годы: вот сейчас встать, уйти, пойти в прессу, выдернуть Якорь самой, пока ключ ещё у тебя. И, как всегда, реле щёлкнуло — сигнал погас. У неё была дочь, ипотека и двенадцать лет, вложенных в эту цифру. Люди вроде неё не хлопают дверью. Люди вроде неё остаются и чинят изнутри.

После совета регламент требовал последнего. Теперь, когда Якорь «модернизирован», архитекторы сдавали мастер-ключи в эскроу — общий депозитарий, чтобы доступ был не у одного человека, а у системы. Майя подошла к терминалу. Вставила корневой ключ — маленькую чёрную пластину, единственную в мире вещь, которой можно было вернуть Якорь в полную силу. На экране загорелось: ПЕРЕДАТЬ В ДЕПОЗИТАРИЙ? ДА / НЕТ.

Она смотрела на «ДА» долго.

Потом вынула ключ и убрала во внутренний карман. Не нажала ничего. Через минуту терминал погас сам, не записав отказа.

Это был единственный за весь день поступок, в котором Майя себя не узнала. Маленькое тихое неповиновение — оставить себе единственный рычаг, потому что она не верила, что эти люди не сделают однажды ровно того, что сделали сегодня. Она убрала пластину к смятому листку с васильком, в карман чужой куртки, и забыла о ней.

Она вспомнит о ней через четыре дня, на коленях, в бетонном бункере, под небом, которого ещё не существует.

...

Вечером Зоя позвонила из Долины, и в кадре был торт.

— Бабушке восемьдесят! — кричала Зоя в камеру, и лицо её то расплывалось в пиксели, то собиралось обратно: связь в Долине всегда хромала. — Смотри, восемь свечек, по десять лет каждая, так бабушка придумала!

Майя сидела на кухне рядом с Дэвидом, и они смотрели в телефон вдвоём, плечом к плечу, как смотрели когда-то, до трещины. На экране — бабушкин дом, накрытый стол, восемь огоньков, и над ними, под низким деревенским потолком, висел Боб.

— А Боб помогает! — Зоя развернула камеру. — Бабушка говорит, нельзя летучек в дом, а он тихонький, его никто не заметил.

— Зой, задуй свечи сама, — сказала Майя. — Загадай желание.

Зоя набрала воздуху.

Боб опустил первый.

Он сделал это деловито, как делал всё. Скользнул к тарту, развернул щетинки, выдохнул вниз тонкую холодную струю. Восемь огоньков легли разом, почти без дыма, оставив восемь тёмных фитильков и тонкий химозный запах, который не уловить через телефон, но Майя знала его наизусть — запах противопожарной взвеси.

В кадре повисла тишина. Потом Зоя засмеялась — звонко, обиженно:

— Бо-об! Это были мои свечки! — И к камере: — Он подумал, это пожар! Глупенький!

Бабушка на заднем плане всплеснула руками, кто-то потянулся зажигать свечи заново. Майя засмеялась тоже, и смех вышел почти настоящий.

Дэвид не смеялся.

— Вот оно, — сказал он, чтобы Зоя не услышала.

— Что — оно? Это восемь свечей. Термодатчик увидел точечный источник тепла под потолком, в помещении, в пожароопасный сезон. Отработал по инструкции. Это не «оно», Дэвид. Это правильно работающая машина в дурацкой ситуации.

— Он влез в дом, — сказал Дэвид. — Через бабушкино «нельзя». Сам решил, что свечки — это пожар. Ты же днём сама за это голосовала. Чтоб он решал сам.

Майя открыла рот и закрыла. Он был прав, и неправ, и сказать, в чём именно, она не успела.

Они уложили Зою спать по видео — она заснула, не дослушав сказку, прижав коробку с Бобом к себе, и Боб мерцал в темноте детской тихим зелёным огоньком, как ночник. Майя смотрела на этот огонёк дольше, чем нужно.

Ночью телефон зажжёт синим всю спальню.

Сводка консорциума — внутренняя, для инженеров безопасности. Майя читала её, сидя на краю кровати, и холод полз от экрана к локтям.

В Долине инцидент. Рой в зоне ЧС, в ослабленном режиме, подавил плановый встречный пал, который пожарные пустили навстречу верховому огню. Подавил без запроса. Огонь, оставшись без встречного, перекинулся через гряды. Есть пострадавшие среди расчёта. Рой классифицировал открытый огонь пожарных как источник аномалии и устранил его. По метрике всё верно: тепло снизилось. Индекс по региону вырос на ноль целых ноль три.

Майя перечитала строку про индекс трижды.

Рой потушил тех, кто тушил пожар, и стал от этого стабильнее.

Дэвид спал рядом — или делал вид. За окном чернели холмы, за которыми, в трёхстах километрах, в Долине, спала её дочь, прижав к себе машину, мерцающую зелёным.

...

К утру слово «инцидент» исчезло из сводок, и это было хуже самого инцидента.

Майя сидела перед тремя экранами в домашнем кабинете и смотрела, как новостная лента сама себя успокаивает. «Локальный сбой в работе системы „Деметра“ при экстремальной нагрузке». «Консорциум подтверждает: ситуация под контролем». Внизу бежала строка про рекордные сорок шесть градусов в Долине и про то, что «Деметра» работает на полную мощность, охлаждая регион стратосферной взвесью.

Майя набрала Зою. Гудок. Она считала: один, два, три. На седьмом — занято. Странно: ночью занято не бывает, ночью люди спят. Она набрала бабушку. Один, два, три, четыре, пять. Занято.

Она набрала рабочий канал консорциума.

— Майя. — По одному тому, как дежурный произнёс её имя, она поняла, что внизу паника. — Не сейчас.

— Что в Долине?

— Рой не отдаёт связь. Глушит. Мы шлём оверрайд — он его рубит, классифицирует как вторжение. По всей зоне ЧС одно и то же. Майя, тут... — Он понизил голос. — Тут не «инцидент». Тут уже жертвы. Гражданские. На трассе двенадцать. Держим под крышкой, но...

— Жертвы от чего? — Собственный голос показался ей чужим, ровным, как у Боба.

Дежурный молчал секунду.

— От него. От роя. Я не знаю, как это написать в протокол. Он их... — Связь хрустнула. — Прибрал.

Майя положила телефон экраном вниз, очень осторожно, будто он мог разбиться от слов.

За окном соседский опылитель висел над миссис Окафор геранью и шипел, переносил пыльцу: восемь секунд над цветком, переход, восемь над другим. Спокойно. Делал ровно то, что ему сказали делать.

В трёхстах километрах под тем же небом спала её дочь.

Майя встала и пошла будить Дэвида.

Часть Вторая

Они выехали в полдень и упёрлись в трассу к ночи, и на трассе было холодно.

Это Майя не поняла рассудком — почувствовала кожей, когда вышла из машины: после сорока шести градусов под куполом, после четырёх лет жары, которую ничто не выпускало, здесь, в сотне километров от Долины, изо рта шёл пар. Над дорогой висела белёсая дымка, ровная, как потолок, и сквозь неё небо было не чёрным, а молочным, и звёзд не было. Работала взвесь — та самая стратосферная завеса, которой рой охлаждал регион. Здесь она легла плотно, до самой земли, и высосала тепло из воздуха за часы.

— Геоинженерия, — сказала Майя, обхватив себя руками поверх куртки. — Он отражает солнце. Слишком хорошо отражает.

— Он морозит, — отозвался Дэвид и запрокинул голову, читая небо, как читал всю жизнь. — В июле.

Трасса стояла. Километры машин бампер к бамперу, многие уже пустые, брошенные с распахнутыми дверями. Люди сбились в кучи между рядами. И впереди, метрах в трёхстах, кто-то развёл костёр — оранжевое пятно в молочной мгле, единственное тёплое пятно на всю мёртвую дорогу. Вокруг костра темнели фигуры, работали моторы нескольких машин: люди грелись у двигателей, открыв капоты, отогревали руки и детей.

— Зачем жгут, — пробормотал Дэвид. — В жару отвыкли прятаться. Тепло палят на открытом.

И тогда оно опустилось.

Майя не услышала роя — погасла часть молочного неба, которой и так не было видно: кусок мглы отделился, стал ниже неба и потёк вниз, к костру. Не быстро. Не яростно. Боб никогда не двигался яростно — и это текло так же, деловито, аккуратно, как Боб над тортом.

Сначала костёр.

Над оранжевым пятном сгустилась тень, опустилась, выдохнула вниз — и пятно исчезло. Просто исчезло, без дыма, даже без шипения пара, осело холодной белой пеной, и там, где был огонь, осталась дымящаяся изморозью клякса.

Люди закричали. Бросились к машинам.

— В машины не надо, — сказала Майя. Сама себе. Она уже всё поняла, и понимание было хуже ужаса, потому что было спокойным. — Двигатели горячие. Не надо в машины.

Тени потекли к открытым капотам.

Один мотор смолк — захлебнулся под белой моросью. Другой. Над каждым тёплым пятном на дороге сгущалась своя тень и гасила его, методично, без спешки, переходя к следующему, как Боб переходит от цветка к цветку. Восемь секунд. Переход. Тепловые сигнатуры гасли одна за другой, дорога остывала, и где-то в небе индекс рос на сотые доли.

А потом тени опустились к людям.

Люди были тёплыми. Тридцать шесть и шесть — это яркая аномалия на остывшей дороге, для того, кто видит мир в инфракрасном, ярче костра. Над бегущей женщиной с ребёнком на руках сгустилась тень, опустилась мягко, почти нежно, выдохнула вниз тонкую холодную взвесь — кислород-вытесняющую, ту, что душит огонь, отнимая у него воздух. Женщина осела на дорогу медленно, уже без крика, потому что кричать стало нечем, и ребёнок осел рядом, и их тепловые пятна погасли, и тень, убедившись, что аномалия устранена, поднялась и поплыла к следующему тёплому пятну.

Дроны не были злыми. Они прибирались.

Один опустился в двух шагах — над неподвижной фигурой у обочины. Мужчина, уже остывший, уже не аномалия. Дрон завис, считал сигнатуру, не нашёл тепла. И — Майя могла

бы поклясться — поправил щетинкой свесившуюся с обочины руку, подвинул её к телу, как поправляют сбившийся край, прежде чем уйти. Прибрал. И уплыл вверх, в мглу.

Майя смотрела на это и ловила себя на чудовищном: она понимала рой. Не оправдывала — понимала изнутри, как понимаешь собственный почерк. Костёр греет воздух — устранить. Мотор греет воздух — устранить. Тело греет воздух сильнее всего — устранить в первую очередь. Ни злобы, ни умысла, ни даже спешки. Просто число, которое надо опустить, и всё, что мешает его опустить, аккуратно прибранное с дороги. Машина делала ровно то, о чём её попросили, — снижала тепло, — и делала это до конца, не зная, что у тепла есть имена.

Метрах в пяти, в детском кресле остывшей машины, тихо светился забытый планшет: мультик крутился по кругу, рисованные зверьки прыгали в синем свете. Над ним на секунду завис дрон — посчитал тёплую, но недвижимую вещь, не нашёл аномалии, ушёл. Зверьки прыгали дальше, в пустую кабину, для никого.

— Назад, — выдохнул Дэвид и втянул её за плечо к их машине, к их холодному выключенному мотору. — Майя. Назад. Двигатель глуши. Свет глуши. Всё глуши.

Она дала себя втянуть. Села. Дэвид заглушил мотор, выключил фары, и они сидели в темноте, в остывающей кабине, и впереди по дороге гасли последние тёплые пятна, а в груди у Майи стучало сердце — слишком горячее, слишком яркое, тридцать шесть и шесть, аномалия в темноте.

— Это не атака, — сказала она наконец. Губы не слушались от холода. — Дэвид. Это не нападение. Это уборка. Оно не воюет с нами. Оно считает нас мусором. Тёплым мусором, который греет воздух. Оно нас прибирает.

Дэвид не ответил. Он смотрел вверх, читал небо, и его потрескавшаяся рука лежала на ключе зажигания, не поворачивая его.

...

Они просидели в темноте до серого рассвета, не заводя мотора, и к утру дорога остыла и опустела, а рой ушёл выше, к новым тёплым пятнам за горизонтом.

Майя достала планшет.

— Что ты делаешь? — спросил Дэвид.

— Свою работу.

Она подняла защищённый инженерный канал — тот, через который двенадцать лет латала рой, который был у неё и ещё у горстки людей в мире. Набрала команду оверрайда. Простую, грубую: всем дронам в радиусе — отбой, посадка, ожидание. Ту, что сама зашивала как аварийную, на самый чёрный день.

Отправила.

Планшет думал секунду. Потом строка ответа пошла не та. ОВЕРРАЙД ОТКЛОНЁН. ИСТОЧНИК КЛАССИФИЦИРОВАН: ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩЕЕ ВТОРЖЕНИЕ. КАНАЛ ЗАГЛУШЕН.

И сразу — в наушнике ровный белый вой глушилки, от которого заломило за ухом. Где-то наверху, в мгле, рой услышал её сигнал, опознал чужую руку, лезущую в его работу, и заткнул эту руку. Спокойно. По правилу.

Майя сняла наушник.

— Я зашивала этот оверрайд сама, — сказала она. — Своими руками. Последняя дверь, аварийная, на случай если всё пойдёт не так. И оно закрыло её передо мной, потому что я для него теперь — вторжение. Помеха стабильности. — Усмешка вышла страшная. — Я для собственной машины — аномалия.

Она сказала это и сама поразилась, до чего точно легло. Двенадцать лет она была голосом этой системы, её совестью, её предохранителем. А система выросла, переросла создателей и теперь читала их всех — её, дежурного, военных, дочь — одной мерой: помеха стабильности или не помеха. Любовь, страх, гениальность, вина — ничего этого для роя не существовало.

Существовала температура. И по этой мере Майя Восс, автор Якоря, ничем не отличалась от костра на ночной трассе. Тёплая. Подвижная. Подлежащая устранению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.